

Вступление к третьей части

Наиболее разрушительное действие позитивизма, являющегося официальной идеологией капиталистического модернизма, происходило в сфере общественных наук. Осуществляемая во имя так называемой научности, объективизация социальных вопросов редуционистским подходом, подобно вопросам физики, породила массу сложнейших проблем, решение которых крайне затруднительно. Изучение социальной сферы тем же методом, в частности, экономической сферы (материальной сферы общества), представленной ими якобы как сфера интересов реального социализма, во имя «научного социализма» привело к такому искажению смысла, восстановление которого также представляется очень сложным. Мышление, основанное на физических представлениях и уступающее даже биологическому, фактически дало в руки капитализма такую силу, с которой не может поспорить никакое оружие. То, что этот метод стал фундаментальной парадигмой капитализма, я постарался раскрыть в разделе, посвященном методу. Однако мы не можем идти дальше, не возвращаясь постоянно к этому вопросу. «Научные социалисты» не могут понять того, что, исследуя общество путем превращения его в объект, будучи открытыми для такого рода мышления, они обезоруживают и пролетариат, и другие неимущие слои, в интересах которых они осуществляют свою деятельность, а вовсе не наоборот, как они предпочитают считать. Мы покажем, что конструирование общества как физического, даже биологического объекта, само по себе уже является капитуляцией перед капиталистическим модернизмом.

С болью и гневом должен подчеркнуть, что продолжение более, чем стопятидесятилетней благородной борьбы под знаменем «научного социализма», но методами грубого материалистического позитивизма, грозящего полностью потерять результаты этой благородной борьбы, само по себе стало несчастьем. Несомненно, такая позиция похоронила идею деятельности «во имя классовых интересов», за которые все так долго боролись. Но не рабочий класс или другие слои трудящихся, сопротивляются пролетаризации в форме порабощения, как этого хотелось бы представителям «научного социализма», а класс мелкой буржуазии, давно уже растворившейся в модернизме и сдавшейся ему. Позитивизм — целиком и полностью идеология слепого преклонения этого класса перед капитализмом и его пустой, бессодержательной реакции. Класс городских ремесленников, совершенно не понимающий, какова общественная жизнь на самом деле, постоянно становящийся ареной ограниченного сектантского образа существования, стал той самой социальной прослойкой, которая в идеологическом смысле легче всего «приобретается» господствующей официальной системой.

При соответствующем общественном подходе позитивизм становится своего рода современным идолопоклонничеством, которое является, в свою очередь, всего лишь

оболочкой утерявшей свой смысл веры в богов. По мере того, как эта вера в богов, некогда привлекательная для общества, теряла свои сакральные функции, от нее остался только суррогат сродни идолопоклонничеству. Но, как известно, идолам легче всего поклоняются те, кто не владеет знаниями науки осмысления. Они не знают, что возникновение идолов имеет чисто функциональный смысл. Напротив, они думают, что идолы способны породить смысл, дойти до своих прежних священных высот, или же попросту пребывают под их обаянием. Достаточно интересно рассмотреть в этой связи религии, сокрушающие идолов. Я совершенно не сомневаюсь, что узники позитивистского мышления — это современные идолопоклонники. Философы модернистского толка сами утверждают, что эти идолопоклонники от модернизма, которых мы могли бы назвать современными идолопоклонниками, приникают к объектам потребления, словно к идолам.

Маркс и его последователи предполагали, что их экономический анализ в состоянии раскрыть проблемы общества, истории, искусства, права и даже религии. Несомненно, все социальные структуры, подобно тканям единого тела, оказывают друг на друга взаимовлияние. Но все меняется, если нашим участком деятельности становится социальный фактор, поскольку общественные учреждения, изобретенные мышлением человека, это не биологическая ткань. Это и не ткань человеческого тела. Мышление человека подобно вулкану, который постоянно извергает в социальную среду смыслы и волю. У него нет аналогов с другими природными объектами. Что касается физических явлений, то некоторую аналогию здесь можно было бы провести разве что на уровне квантового мира. Не забудьте, что мышление человека само по себе квантово. Что касается материального мира, в том числе общественной экономической структуры, то он выражает замораживание, огрубление квантовой функции. То, что обществом управляет разум, настолько очевидно, что не нуждается в обсуждении. Еще одно обстоятельство, не требующее доказательств: общественная экономика также управляется разумом.

Вновь и вновь должен подчеркнуть, что анализ социологии в ракурсе истории, а истории — в ракурсе социологии — это одно из важнейших условий реального прогресса в науке осмысления. Еще одним преимуществом этого метода является возможность толкования истории максимально близко к реальности. Я не умаляю значения спекулятивного мышления, напротив, чтобы этот стиль мышления мог быть полезным, оно должно знать хотя бы примерный ход истории. Однако утверждения вроде «Историю определяет базис», или «История состоит из действий государства», сколько бы при этом фактов ни было перечислено или какой бы анализ ни проводился, не могут привести к каким-либо иным результатам, кроме искажения истории с точки зрения реальной науки осмысления. Ясно, что с помощью такого метода невозможно рассматривать ни историю, ни, следовательно, общество. Речь идет не об истории, а о социальной физиологии. Рассказы, как социальные структуры (в физиологии — ткани) влияют друг на друга или взаимно определяют друг друга, совершенно не объясняют историю; это грубый позитивизм.

Ключом для рассуждения об осознанной истории является установление силы ее течения и того, как проявляются различные течения в эти мгновения. Залогом реального творения истории или ее правильного толкования является концентрация внимания на том разуме и волеизъявлении, которые были наиболее эффективны в тот или иной момент истории. Это может быть экономическая акция, но может быть и действие религиозного характера.

Важно не само оружие, а тот миг, когда происходит нажатие на спусковой крючок, и палец, нажимающий на него. Можно сколько угодно рассуждать об экономическом, политическом, военном значении оружия, даже его значении для искусства, но эти рассуждения могут иметь какое-то значение разве что в качестве дополнения мысли. Опять-таки должен повторить, что, говоря о ходе истории, важнее всего осознать такой фактор, как рука, являющаяся владельцем этого оружия и постоянно его использующее. Возможно, мне возразят, что «для производства оружия очень важны мастерские навыки и экономические усилия». Возможно. Однако этот подход отнюдь не означает выражения исторического хода. Не следует забывать того, что история есть постоянно действующее оружие. Палец, находящийся на спусковом крючке заряженного оружия, сам по себе есть действующее оружие. Это лучше всего знает тот, кто несет историческую ответственность. Один из римских императоров, если не ошибаюсь, Валентин, выбрал на роль параллельного императора своего брата Валенса. Те, кто выбрали его брата, через короткий промежуток времени сказали императору, что хотят отказаться от своего выбора, на что император сказал им следующее: «Одним своим выбором вы потеряли право на отказ», — и таким образом прекрасно разъяснил, что такое история.

Значение этого суждения, имеющего отношение к методу, для осознания смысла истории капиталистического модернизма я раскрою в соответствующей части труда.

Чтобы внести некий вклад в семантику, не будем игнорировать проблему метода вступления в историю цивилизации. Ценность любого толкования, помимо того, что оно раскрывает историю, заключена в том, чтобы его можно было использовать в интересах тех, кто идет вслед за историческим потоком, но опять-таки, постоянно готов проявить инициативы. Реальное толкование истории для тех, кто оказался жертвами истории, станет силой разума и воли, способных оторвать этих людей от их роли и способствует достижению ими возможностей сделать свою свободу понятием жизнеспособным. Но если толкователи истории и общества усиливают зависимость жертв истории (всевозможных угнетенных и эксплуатируемых слоев) от эксплуататоров, успокаивая их при этом, что «скоро наступит свобода», и тем самым усугубляя их положение, то что бы они ни говорили о научном характере своего толкования, более того, сколь бы долго они ни утверждали, что такое толкование осуществляется во имя жертв истории, этот метод если и не является умышленным заблуждением, то однозначно неверен. Эти люди становятся толкователями идолов истории.

Версия #1

Зверобой создал 25 декабря 2025 20:39:00

Зверобой обновил 25 декабря 2025 20:39:44